

Станислав КУНЯЕВ

К 85-летию писателя

Россия и Оклахома

из дневника III тысячелетия

Продолжение. Начало на стр.1

А всё дело заключалось в том, что Дина Рубина в своих творениях часто балуется матерком. «Я отношусь к мату как литератор», — пишет она и подкрепляет свою мысль такими «детскими» стихами: «Здравствуй, дедушка Мороз, борода из ваты...»

Рубина получила три премии «Большая книга», во многих интервью признавала себя еврейским писателем, но зачем нам, обладателям прозы Распутина, Астафьева, Белова, Личутина, Лихоносова, выбирать тексты для тотального диктанта из романов вульгарной еврейской матерщинницы?

Об убийце Пушкина Лермонтов писал: «Смеясь он дерзко презирал земли чужой язык и нравы». «Нравы» — это обычаи, это вера, это традиции, это совесть. И всё это выражается в языке. Вот почему русский язык — одна из самых необходимых скреп русского мира.

Я помню наши диктанты и изложения (была такая форма учёбы: учитель читал текст, а ученики, каждый по-своему, излагали его на бумаге). Тексты диктантов и страницы изложений обязательно брались из нашей великой классики: из «Капитанской дочки», из «Тараса Бульбы», из «Записок охотника», из «Обломова». Это одновременно было изучением и русского языка, и русской литературы, и русской истории, и русского православия, и вообще русской жизни.

Послевоенное радио добавляло к этим знаниям русские народные песни («Степь да степь кругом», «Раскинулось море широко», «Коробейники», «Есть на Волге утёс»), добавляло русскую музыкальную классику — арии из опер «Князь Игорь», «Евгений Онегин», «Садко». А сколько мировой классики вливалось в наши души из чёрных репродукторов! Верди, Бизе, Бетховен, Гуно, Штраус. Какой там железный занавес!

Всё великое, талантливое, доброе, человеческое входило в наш русский мир. Ворота были открыты. Неаполитанские, украинские, французские, южноамериканские песни — всё было нашим общим достоянием. Да, русская элита XIX века увлекалась французским языком, но Пушкин одновременно учился русскому у народа, у Арины Родионовны, у дворовых крестьян — иначе он не написал бы: «Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!». Элита была, конечно, «офранцузена». Пушкин это понимал, когда писал о своей любимой героине Татьяне: «Она по-русски плохо знала, журналов наших не читала, и выражалась с трудом на языке своём родном». Но! «Татьяна (русская душой, сама не зная почему) с её холодною красою любила русскую зиму». Душа важнее языка. Татьяна, в сущности, родная сестра Наташи Ростовской, русскость которой Толстой гениально выразил в её пляске под дядюшкину гитару. Пушкин шутил любя: «Без грамматической ошибки я русской речи не люблю». Но это другое дело!

Литературный язык в пушкинское время ещё не устоялся. К тому же гениям позволено гораздо больше, нежели русскоязычным наглым ремесленникам: «Не ругайтесь! Такое дело! Не торговец я на слова».

«Словно кто-то к родине отвык», — так писал Есенин — хозяин русского языка, а кто такая Рубина? Мелкая полуграмотная пакостница.

* * *

Сегодня в России есть «стольпинское общество», и памятник поставлен, есть культ Столыпина, есть историки, убеждённые в том, что если бы Столыпин не был

убит еврейским киллером, то он завершил бы свои реформы и никаких революций в 1917 году не было бы...

А у меня перед глазами картина художника той эпохи, забытого передвижника Сергея Иванова: хмурое небо, степная дорога, на дороге стоит телега, возле неё на земле лежит умерший мужик, на его груди икона, а вокруг безутешная жена и малые дети. Название картины — «Смерть переселенца»...

Крестьяне центральной России не хотели переселяться в Сибирь, куда Макарыч не гонял. Они чувствовали, что приехав за даровой землёй в одиночку, став хуторянином или фермером, в одиночестве в бездорожье не выживешь. Им нужна была земля в Центральной России, но без выкупа. Крестьяне моей родной Калужской губернии рассуждали так: «Спокон веков у нас заведён обычай, что на новое место идёт старший брат, а младший остаётся на корню. Так пускай в Сибирь или на Алтай поедут наши старшие братья, господа помещики, дворяне и богатейшие земледельцы, а мы, младшие, хотим остаться на корню, здесь в России». (Текст писем взят из книги А.Бушкова «Красный монарх»)

Но лучше и глубже всех об этом историческом споре писал митрополит Вениамин Федченков, во время Гражданской войны главный духовник армии Врангеля, сам происходивший из крестьянской семьи: «Столыпину приписывалась будто бы гениальная спасительная идея так называемого хуторского хозяйства — это, по его мнению, должно было укрепить собственнические чувства у крестьян-хуторян и пресечь таким образом революционное брожение... Тогда я жил в селе и отчётливо видел, что народ против. Хутора в народе проваливались. В нашей округе едва нашлось три-четыре семьи, выселившиеся на хутора. Дело замерло, оно было искусственное и ненормальное».

Вспомним о том, как крестьяне села Константиново летом 1917 года готовятся к разговору с помещицей Анной Снегиной:

Эй, вы!
Тараканье отродье!
Все к Снегиной!..
Р-раз и квас!
Даёшь, мол, твои угоды
Без всякого выкупа с нас!

А когда вожак константиновских мужиков Оглоблин Прон вместе с Есениным ворвались в снегинский дом, то...

Дебелая грустная дама
Откинула добрый засов.
И Прон мой ей брякнул прямо
Про землю, без всяких слов.
«Отдай!.. —
повторял он глухо. —
Не ноги ж тебе целовать!»

Есенину, свидетелю революции, я верю больше, нежели функционерам из стольпинского общества, недавно поставившим в Кремле памятник незадачливому автору крестьянской реформы.

* * *

Поляки, проливая слёзы о Катыни, забывают, что многие советские красноармейцы, выжившие в польском плену после 1921 года (а выжило их только тысяч двадцать из восьмидесяти), стали кадровыми военнослужащими Красной армии и частей НКВД и узнали в 1939 году среди

польских военнопленных офицеров тех, кто в 1920-м замучил и уморил в концлагерях несколько десятков тысяч их соотечественников.

Не этого ли боялся великий польский поэт и лауреат Нобелевской премии Чеслав Милош, когда писал: «Не трогайте катынские могилы, а то зашевелится пепел Едвабне и Освенцима, закачаются еврейские надгробья Парчева, Люблина и Кельцев, и под ветром разгорятся угли Варшавского гетто!».

Для незнающих читателей напомним, что в местечке Едвабне в июле 1941 года поляки, пользуясь тем, что советские войска оставили городок, загнали в громадный сарай около двух тысяч местных евреев и сожгли их заживо, а в городах Парчев, Люблин и Кельцы еврейские погромы произошли аж после войны — в 1946-1947 годах.

«Признание — царица доказательств», — говорил генеральный прокурор СССР Вышинский во время политических процессов 1930-х годов. В эпоху перестройки демократы не раз высмеивали эту фразу. Но в то же время Яковлев, Горбачёв, Ельцин и Шеварднадзе без доказательств признали, что польских военных в 1940-м расстрелял советский НКВД, и даже Путин, посещая Польшу, дважды извинился перед поля-

ками. Нет бы сначала прочитать записки из дневника Йозефа Геббельса, занимавшегося весной 1943 года изготовлением чудовищной провокации мирового масштаба:

«17 апреля 1943 года. Драма в Катыни приобретает размеры гигантского политического события. И мы его используем по всем правилам искусства. Во всяком случае, эти десять или двенадцать тысяч убитых поляков, может быть, и заслужили это, поскольку были подстрекателями войны, тем не менее теперь следует использовать их, чтобы ознакомить европейские народы с тем, что представляет большевизм...»

8 мая 1943 года. К сожалению, в делах Катыни найдены немецкие боеприпасы. В любом случае необходимо держать эту находку в строгом секрете, если она станет известна нашим врагам, то катынское дело будет провалено...

Наши люди должны быть в Катыни раньше, чтобы во время прибытия Красного Креста всё было подготовлено, и чтобы при раскопках не натолкнулись бы на вещи, которые не соответствуют нашей линии...

29 сентября 1943 года. К сожалению, мы должны были оставить также и Катынь. Нельзя сомневаться, что большевики вскоре откроют, что это мы расстреляли двенадцать тысяч польских офицеров. Эта история, несомненно, позднее нам ещё доставит хлопот. Советы сделают так, чтобы раскопать определённое число могил и возложить впоследствии ответственность за это на нас».

Об этих дневниках Геббельса польские историки молчат до сих пор и будут молчать вечно.

* * *

Русские былины VI-VIII веков замешаны на противоборстве двух сил — язычества и христианства.

Вспомним былинку об Илье Муромце, который недовольный приёмом, устроенным ему князем Владимиром Красное Солнышко, в гнев покидает Киев и, обернувшись, сбивает калёными стрелами церковные маковки.

А былина о Ваське Буслаеве, который «не верил ни в сон, ни в чох, а только лишь в червлёный вяз». Да и гибель его — попытался перепрыгнуть на Святой земле через череп Адама, но поскользнулся и разбился насмерть — случилась от молодого кощунства.

Дерзость, молодость, бахвальство молодого русского этноса — чем восхищался Пушкин и о чём размышлял Чаадаев! Пушкинский Вещий Олег погибает той же смертью от избытка воли и своеволия, что и Васька Буслаев — только Васька наступил на череп Адама, а Вещий Олег на «благородные кости» своего коня. И тот и другой погибли согласно русской пословице «на миру и смерть красна».

А смерть сверхбогатыря Святогора? Он в ощущении своего могущества и в припадке гордыни лёг в гроб и приказал Илье Муромцу закрыть его крышкой, которая тут же приросла к гробу. А когда Илья стал рубить её мечом, при каждом ударе домина опоясывалась стальной полосой.

Так русский ещё языческий народ до принятия христианства уже понимал, что гордыня — это смертный грех и что высшая воля сильнее любой человеческой силы.